Шолохов М. 09.91

Литературная газета – 1991 – 17-24 сент (№38) – с.11

Скрытый драматизм современной школьной жизни состоит еще и в том, что автор публикуемой статьи окончил нынешним летом столичную школу с тройками по русскому языку и литературе. К «Поднятой целине» Шолохова Максим Шеффер потянулся после того, как учитель упрекнул его, будто он неверно трактует произведение писателя — не отразил в сочинении руководящую роль партии и борьбу трудового крестьянства за социализм.

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

РОМАН «Поднятая целина», как стало известно, написан Михаилом Александровичем Шолоховым по личному заказу Сталина. Написание романа было практическим условием, при котором Шолохову удалось спасти арестованных в станице Вешенской казаков.

Как оценить позицию писателя, написавшего по заданию главы государства агитационный роман о создании колхозов и «ликвидации кулака как класса»? Справился ли Шолохов со своей задачей, и какая, собственно, задача перед ним стояла? Если опираться на примеры, добросовестно приведенные в учебнике, с агитационной задачей Шолохов справился неважно. Слишком неубедительна аргументация «активистов», слишком страшны и бессмысленны действия «портфельщиков». Может быть, действительно таланта не хватило автору? Впрочем, для того, чтобы убедить тех, кого может убедить обычная чиновничья инструкция, особых талантов не надо. На протяжении десятилетий послушный инструкции критик и послушные критику читатели, учителя и мы, ученики, так и читали роман, как было велено: как гимн-эпопею победе колхозного строя.

НО ДАВАЙТЕ еще раз без оглядок на учебник и сопутствующие пособия перечитаем «Поднятую целину». Вслушаемся в имена и вглядимся в судьбы гремячинских активистов. Для строгих нравов казачества фамилия секретаря ячейки звучит не слишком привлекательно: Нагульнов — Нагулянный, «ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца». Взаимоотношения Нагульнова с собственной семьей совсем не родственные. Сын зажиточных родителей, он уходит из семьи в работники. Всю жизнь он кого-то «гонял»: в детстве — злополучную соседскую свинью, из-за которой и возненавидел собственность, потом — то сгонял в колхоз односельчан и на общие дворы их скотину, то раскулачивал, то есть загонял «куда Макар телят не гонял» работящих, живущих в достатке казаков.

Председатель гремячинского Совета — Разметнов. Фамилия тоже разрушительная, «революционная», а речь в романе вроде бы о созидании.

Добавим к этому Кондрата Майданникова и Тимофея Шалого. Фамилия Шалый говорит сама за себя, а Майданников нуждается в некотором пояснении. Майдан — базар, базарная площадь. Майданниками именуют базарных воров. Майданом называют и тюремный нелегальный кабак, и игорный дом. Но, кроме того, майданом называются лесные производства поташа, дегтя, смолокурни. Фамилию Майданников можно «перевести» как «Смолокуров», но в ней скрыта явная двусмысленность, связанная с базарной «профессией».

Интересно сравнить фамилии колхозных активистов с фамилиями раскулачиваемых кулаков: Бородин, Гаев, Дамасков. Фамилия Бородин ассоциируется не столько с «бородой», сколько с полем русской славы Бородино и с великим автором оперы «Князь Игорь». Гаев, которого выбрасывают из дому с многочисленным семейством, напоминает о своем однофамильце из «Вишневого сада».

В Гремячем Логу выселяют как раз тех, кто свое хозяйство не разорил.

Особенно интересно прозвание семейства Дамасковых-Рваных. Фамилия Дамасков напоминает о военных традициях казачества. Дамаск славен знаменитыми клинками из дамасской стали — оружием, особенно ценимым в военном казачьем кругу. Замечательно и прозвище — Рваный. Казакам, участвовавшим в восстаниях Разина и Пугачева, по приказу властей вырывали ноздри.

ЕСЛИ откроем пушкинские страницы об истории пугачевского бунта, то увидим, что в казачьей среде причастность к восстаниям никогда не считалась позором. Старые казаки с гордостью и достоинством рассказывали поэту о своей близости к «Петру Федоровичу» — Пугачеву. В «Поднятой целине» прозвище Фрола Рваного объясняется как будто вполне прозаически — упал в детстве с дерева, поранил ноздрю — вот и Рваный. Но хоть и с дерева упал — а все «Рваные ноздри». А это уже цитата — из «Капитанской дочки». Пушкинские страницы вспоминаются и в сцене раскулачивания Рваных. Дочь Фрола Рваного пытается спасти свои наряды, одевая их на себя. «Андрею стали противны и жалки ее мокрые, красные, как у кролика, глаза. Он хлопнул дверью, сказал Игнатенку:

— Не моги ее талашить! Что успела одеть,— черт с ней, а узел забери».

А вот как описывает Пушкин грабежи пугачевцев в крепости Озерной («Оренбургские записи»): «Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала к ним в ноги, говоря: «Государи, я невеста, этот сундук мой». Казаки его не тронули». Пушкин изображает ужасы пугачевщины, беззаконной повстанческой вольницы. Шолохов повествует о подзаконной акции. Казаки-активисты не так сентиментальны, как пугачевские разбойники.

А вот как заканчивается сцена раскулачивания Рваных: «В горнице Андрей увидел сидящего на корточках Молчуна. На нем были новые, подшитые кожей Фроловы валенки... Не видя вошедшего Андрея, он черпал столовой ложкой мед из ведерного жестяного бака и ел, сладко жмурясь...»

Одеться тут же в чужое, при бесчувственном хозяине, сладко поесть за чужой счет — к этому активистам не привыкать. Андрей Разметнов, «до того ходивший голодранцем,— не стыдясь, на правах преемника, щеголял по Гремячему в суконных вахмистровых шароварах и рубахах» — в одежде покойного мужа Марины Поярковой.

Страшные переклички с «Капитанской дочкой» есть в сцене раскулачивания Лапшиновых. «Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь... Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца». Это «Капитанская дочка». А вот «Поднятая целина». Активист Демка Ушаков отнимает у старухи Лапшинихи корзину насиженных гусиных яиц и пытается отнять гусыню. «...Но вот в этот-то момент непрочная гусиная шея, тихо хрустнув позвонками, оборвалась. Лапшиниха, накрывшись подолом через голову, загремела с крыльца, гулко считая порожки. А Демка, охнув от неожиданности, с одной гусиной головой в руках упал на кошелку, стоявшую позади него, давя гусиные насиженные яйца».

В «Капитанской дочке» цитированная сцена оценивается как «ужасная комедия». «Комедия» на крыльце Лапшиновского дома приводит на память и рассказ Бабеля «Мой первый гусь» из цикла «Конармия».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ сближения «Поднятой целины» многочисленны. Они создают второй план текста, без которого многие эпизоды романа могут показаться случайными и несущественными. Второй план, подтекст проясняет отношение автора к происходящему там, где, казалось бы, нет никаких авторских оценок.

«Смешное» или трогательное желание Андрея Разметнова завести голубей приводит его к намерению истребить всех котов в хуторе. Первой жертвой падает любимец матери Разметнова, затем производится методический отстрел остальных кошек Гремячего. Разметнов оскорблен слухом, что он заготовляет котов для сдачи в кооперацию,— он уничтожает вредных тварей, чтобы лучше жилось голубяткам. Он идейный борец с мяукающими обитателями казачьих дворов.

Разметнов превосходит Шарикова тем, что его убийства совсем бескорыстны — никаких шкурок, только чистое уничтожение, чтобы избранным в фавориты было хорошо. Это тот же принцип классовой борьбы — уничтожение одних «как класса», чтобы другим было спокойнее. По тому же классовому методу расправляется с гремячинскими петухами и другой любитель живности — Макар Нагульнов.

Забавные и трогательные слабости. Мальчишеские черточки в суровых душах идейных коммунистов. При желании можно расценить и так. Только слабости — кровавые, а об основной работе и говорить не приходится. Уничтожение одних ради спокойствия других проповедует двадцатипятитысячник Давыдов.

— ...«не буду работать... дети... жалость...» ...жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь... Ну выселим кулаков к черту, на Соловки выселим. Ведь не подохнут же они?»

Как вскоре выясняется — «дохнут». Умер под Котласом раскулаченный Фрол Дамасков. О других — ничего не известно...

ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИК Давыдов—человек со стороны. Питерский рабочий. Мать его — от горя и нужды — стала уличной женщиной. И здесь неожиданная черточка, сближающая его с секретарем гремячинской ячейки: один «нагулянный», другой — сын проституткн. Тут тоже двусмысленность — можно рассматривать ситуацию как драматическую — она смыкается со знаменитыми ситуациями Достоевского и Мопассана, а можно и как трагикомическую: нельзя жалеть кулацких детей, в частности детей Гаева, потому что мать Давыдова зарабатывала деньги на панели, а Нагульнов не поладил со своим приверженным к собственности семейством.

Фамилии большинства персонажей «Поднятой целины» говорят и о том, кого Шолохов считает истинным трагическим героем романа. Гремячинским активистам в романе тайно противостоят жильцы Якова Лукича. Половцев и Лятьевский. Фамилия «Половцев» — от слова «полова» — мякина — «остатки хлеба, колосьев, отделенных от стеблей и зерна молотьбою и веяньем». «Лятьевский»—от слова «лях» — поляк. Они в хуторе чужаки, их дело безнадежно.

В центре между нынешними активистами и бывшими — прежними начальниками, офицерами — Яков Лукич Островнов, культурный хозяин, больше всего на свете любящий землю и труд на ней. Он зажат в железные клещи между бесхозяйственными, не способными ни к какой крестьянской работе «активистами» и чужаками, прежними хозяевами жизни. Не случайно роман начинается с приезда в Гремячий Лог сразу двух чужаков: Давыдова и Половцева.

Первая часть романа заканчивается новым приездом Половцева к Якову Лукичу. Фамилия Якова Лукича — Островнов — как бы говорит об изолированности, непричастности умного крестьянина к «классовым» играм.

Имени-отчеству Якова Лукича созвучно имя Лушки — жены Макара Нагульнова, любовницы Давыдова, верно любящей первого гармониста, юного кулацкого сына Тимофея Рваного.

«Отрицательный» образ гулящей Лушки написан с неподдельной любовью и авторским восхищением. «Нерабочая» женщина, безразличная, «как и активисты» к материальным благам, к хозяйству, которого нет у ее идейного мужа, она не может жить без игрищ — без «развлечений и удовольствий» — как говорил о своей прекрасной возлюбленной Манон несчастный кавалер Де Грие.

Упоминание Манон не случайно. Повесть аббата Прево «История кавалера Де Грие и Манон Леско» нашла отклик еще в «Тихом Доне», в истории блудного сына кавалера Григория Мелехова и его возлюбленной казачки Аксиньи.

Повесть Прево о высланной в отдаленный край Манон и ее верном кавалере отразилась и в «Поднятой целине». Сцена прощания Лушки с бежавшим из ссылки и убитым Тимофеем Рваным напоминает страницы «Манон Леско». Лушка не может похоронить своего возлюбленного так, как это сделали кавалер Де Грие или Григорий Мелехов, клинками вырывшие могилы для своих любимых Манон и Аксиньи.

Лушка смогла только в последний раз расчесать кудри своему кавалеру, как любила расчесывать кудри Де Грие прекрасная Манон. Тимошка был уверен, что Лушка ему «верная», несмотря на то, что ей приходилось «прислоняться» к сильным «покровителям» — своему революционному мужу, председателю Давыдову, а позднее к инженеру в Шахтах.

Если Яков Лукич образцовый хозяин, то Лушка — совершенство женственности. И одним из критериев у Шолохова выступает чистота материальная, видимая, чистота физическая. У Якова Лукича чистый дом, чистая одежда, чистая овчина и прохладная подушка. У Лушки белоснежное белье и сияющий чистотой головной платок.

Об активистах и офицерах мы все время читаем, что они грязны. Месяцами не моется и не меняет белье Давыдов, Макар вытаскивает из кармана дорогой ему сувенир — черный от грязи кружевной Лушкин платочек. Неустроенность и неприспособленность к настоящей жизни этих рыцарей плохо понятой идеи подчеркивается их физической нечистоплотностью.

И ЕЩЕ об одном важном шолоховском герое — деде Щукаре. Это ведь не просто балагур, выведенный на страницы романа для разрядки читательского напряжения, для пряного словца и забавного анекдота. Дед Щукарь — пародия. Деревенский недотепа, бездельник и неудачник — вот кто такой дед Щукарь. Он не способен ответственно выполнить никакую работу, никакое поручение «на должности». Да и собственное хозяйство его в запустении — он тоже враг собственности, от которой много хлопот. Правда, он любит вкусно поесть, но это редко ему удается; он не прочь попользоваться шубой раскулаченного Титка и поездить на его конях — правда ухаживать за конями по-хозяйски ни Щукарь, ни активисты и не думают. Кони обречены, как, видимо, и большая часть кулацкого добра, перешедшего к новым хозяевам.

А какие смешные политические речи произносит дед Щукарь, очень смешно интерпретируя ученые слова из толкового словаря. Но, в сущности, его шутовские речи мало чем отличаются от политических речей «идеолога» Макара, понимающего в изучаемых им книгах не больше, чем дед Щукарь. Разница только в том, что дед никого не убил, никого не сослал, речи его безобидны для окружающих. Да и делать кое-что бесхозяйственный Щукарь все-таки кое-как может. Покрыл же он крышу Марине Поярковой, которая пригласила для этого Андрея Разметнова, да тот крышу только испортил, а исправил дед Щукарь. Так что зря возмущались гремячинские коммунисты, когда Щукарь запросился в партию — он тоже хотел получить портфель и должность. Особенно гордиться в хозяйственном строительстве перед Щукарем им было нечем. Вчитайтесь в монологи шута-Щукаря — и многое станет понятным в речах его «друзей» — гремячинских коммунистов.

Роман «Поднятая целина» еще ждет своего прочтения. Как и многие книги странного явления, называемого «советской литературой». Ведь создавались они не в стол, для печати, их авторы ставили перед собой две очень трудно совместимые задачи: сказать правду и сделать так, чтобы книга дошла до читателя.

Максим ШЕФФЕР.

● *Летом 1914 года Шолохов заболевает воспалением глаз. Отчим везет его в Москву, в глазную лечебницу, в ту самую Снегиревскую больницу, в которую писатель потом поместит своего героя-фронтовика Григория Мелехова. Одновременно Михаил Шолохов начинает учиться в подготовительном классе Московской гимназии Шелапутина, что на Зубовской площади. Эта гимназия славилась хорошим гуманитарным образованием, в ней учились такие, к примеру, будущие знаменитости, как переводчик Хемингуэя Иван Кашкин, академик АПН СССР М. Скаткин.*

НА СНИМКЕ справа: М. А. Шолохов — ученик московской мужской гимназии.

ШОЛОХОВ, ПРОЧИТАННЫЙ И НЕПРОЧИТАННЫЙ

Все безусловно ценное в искусстве, сказал как-то Кайсын Кулиев, естественно, как дерево на склоне горы. Безусловно ценное произведение не только воссоздает жизнь, но и как бы существует в ней изначально. Будто на нем печать нерукотворности, саморожденности проставлена. И печать необходимости, неизбежности. И недаром в книге балкарского поэта о поэзии «Так растет дерево» Шолохов рассматривался в одном ряду с Лермонтовым и Есениным.

ИДЕЙСТВИТЕЛЬНО, к тридцати годам Шолохова его «Тихий Дон» завоевал мир. Когда он приехал в Данию, местные журналисты удивлялись, что «всемирно известный» писатель, автор современной «Войны и мира» разъезжает по деревням, залезает в свинарники и на скотные дворы... «Хотел ознакомиться с многолетней культурой сельского хозяйства...»,— ответил Шолохов.

А стал бы, к примеру, Толстой гениальным художником, если бы занятия крестьянским трудом не были для него столь же жизненно важными, как и чтение книг великих предшественников? Мне всегда казалось, что смысл преподавания литературы состоит в том, чтобы наши ученики прониклись одной единственной мыслью: вся жизнь, все великое и прекрасное в ней начинается на земле с прорастающего хлебного зернышка. Выпускник 292-й московской школы Максим Шеффер постиг эту мысль вопреки тому, чему его учили на уроках словесности. Он увидел в «Поднятой целине» «Целину неподнятую», понял, что писатель вовсе не на стороне шариковых, не способных ни к какой крестьянской работе, а только к разору, к уничтожению всего живого.

Произведения Шолохова корнями связаны с народным языком, с народными чувствами и чаяниями. Это как «Слово о Полку Игореве», в котором, по выражению академика Лихачева, достигли своего весеннего цветения лучшие стороны русской культуры.

Между тем, вопреки мнению всезнающего Роя Медведева и других ниспровергателей творчества Шолохова, в нем своего весеннего цветения достигли лучшие стороны русской классики.

ВСПОМИНАЮТ, что инспектор Богучарской гимназии, где одно время учился будущий писатель, принес как-то тетрадки с сочинениями и, оглядывая класс, сказал: «Все написали хорошо, но лучше всех написал Шолохов». Почему? Откуда у двенадцатилетнего станичного мальчика появились первые признаки таланта?

Никто не знает, что такое талант, но в глубине души все понимают, что заменить его нечем. Есть ли он у тебя или нет — этого тоже не сокроешь. Он заявит о себе с первой же строчки. Удивительно редкая особенность, доставшаяся одному и не доставшаяся другому. Достался же неотразимо чуткий и абсолютно точный музыкальный слух Чехову и пронзительная естественность ритмической напевности Есенину!

Как огонек к бикфордову шнуру, пробирался талант по родословной и к Шолохову. Мать его — полуказачка, полукрестьянка, несмотря на свою полную неграмотность, обладала живой, образной речью, наделена драгоценным даром творчества и, видимо, как рассказывал А. Серафимович, подарила сыну «наследство быть крупнейшим художником».

В 1937 году, будучи уже всемирно известным мастером литературы, Шолохов скажет: «Существуют писатели, на которых Толстой и Пушкин не влияют... Ей-богу, на меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мною и Чеховым? Однако и Чехов влияет».

ТАЛАНТ, по Чехову, составляет труд, смелость и знание жизни. Все это, судя по глубокому анализу «Поднятой целины», сделанному вчерашним школьником Максимом Шеффером, было у Шолохова. И еще умение визуально проникать в глубь явления, чисто есенинское желание прорасти глазами, «как эти листья в глубину...»

В Москву Шолохов приехал в 1922 году. Как и Булгаков, он сталкивается с десятками таких же бедолаг в приемных редакций, готовых совсем «по-чеховски» написать рассказец о чем угодно, хоть о чернильнице. Первый рассказ Шолохова «Родинка» опубликован 14 декабря 1924 года. Уже в нем ощущается гоголевское стремление: прежде чем угадать героя, увидеть его в живых приметах внешнего облика. Совсем как в «Театральном романе», где Булгаков мастерски передал момент, нежданно взрывающийся в сознании писателя: гаснет комната, опускается над рекой ночь, «выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папахах. И вижу я острые шашки, и слышу я душу терзающий свист».

К тому времени, как в апреле 1926 года был опубликован рассказ «Жеребенок», его автор снова живет на казачьей земле и пишет главы давно задуманного романа «Донщина». Писатель пытался черпать со дна глубокого колодца—его привлекало самое поэтичное произведение Куликовского цикла «Задонщина»—один из лучших шедевров Древней Руси.

Но вот первый аккорд из его собственного раннего шедевра:

«Среди белого дня возле навозной кучи, густо облепленной изумрудными мухами, головой вперед, с вытянутыми передними ножонками выбрался он из мамашиной утробы и прямо над собой увидел нежный, сизый, тающий комочек шрапнельного разрыва, воющий гул кинул его мокренькое тельце под ноги матери. Ужас был первым чувством, изведанным тут, на земле».

Не знаю, как Рой Медведев, но для меня в этой последней фразе то новое и беспримерное, что отличает автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» от всего предшествующего этапа классической русской литературы. Здесь, если хотите, исток того музыкального начала творчества Шолохова, выраженное, как и у Чехова (но не у Федора Крюкова — писателя совершенно иной тональности), в особом внимании к общему тону повествования, в умении вызывать к жизни «скрытую энергию сюжетности». Если музыка заметно влияла на композицию чеховских рассказов и создавала лирическую атмосферу в пьесах гениального писателя, то Шолохов впервые пронизал музыкой крупные романы.

Вспомним, чем заканчивается пейзаж - звукозапись первого абзаца новеллы: «Ужас был первым чувством, изведанным тут, на земле». Затем перенесемся в третью главку, где драматизм событий нарастает, как конная лава:

«Смеркалось, когда пошли в атаку... Рубились молча. Под копытами коней гудела земля...»

ВЛИЯНИЕ—это не пение с чужого голоса, не слепое следование образцу. Это переплавка, органическая переработка воспринятого разнородного опыта искусства, умение сделать его своим. Отдаленный след обращения Шолохова к «Задонщине» отыскивается не только в заголовке первоначальных пробных глав романа. «Составим слово́ к слову и величим землю Русскую» — это стремление-призыв автора древнерусского шедевра у автора «Тихого Дона» переплавилось в стремление слово за слово возвеличить землю казацкую.

Однако Шолохов живет в иной атмосфере жизни и ее давлении, допуская, как считает П. Палиевский, наибольший нажим на человека и считая это нормальным. У Шолохова сама жизнь «принята намного суровее, чем обычно у всех классиков мировой литературы: именно принята, а не с ужасом, отвращением или злорадством отображения».

В то время, как другие художники раньше, чем кто-либо их признавал и объяснял, сами признавали и объясняли себя, Шолохов, как это, например, было у Чехова, оставался замкнутым в себе, лицом к лицу со своими открытиями и диагнозами, примерно так же, как лицом к лицу со своими переживаниями оставался Григорий Мелехов, до конца сохраняющий «душу живу» — верный залог нравственного возрождения. Тем и удивительна статья самостоятельно думающего выпускника школы, что он проник в самую сердцевину творчества Шолохова, показав, что и «Поднятая целина» — неразгаданный до конца шедевр.

Когда-то на заре своей учительской юности, я, прежде чем говорить с учениками о «Тихом Доне» и «Поднятой целине», поручил им подготовить двухминутные сообщения. Вот отрывок одного из них: «Все говорит, что Шолохов стартовал, как Толстой «Севастопольскими рассказами» и как Чехов тоже: умел писать уже тогда сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды».

На уроке развернулся непосредственный разговор, в ходе которого я осторожно намекнул ребятам о том, что Чехов все равно бы сформировался в того Чехова, которого мы знаем по его тонким, ювелирным и временами прямо-таки волшебным поэтическим творениям, даже если бы он не получил одобрения маститого Григоровича.

— И Есенин остался бы большим поэтом,— подхватил кто-то оброненную мною мысль,— если б не встретился с Блоком.

И действительно через десять лет после встречи начинающего Шолохова с Серафимовичем ученик будет непримиримо спорить с наставником. «Пришла пора говорить о литературе настоящим мужественным языком...»,— скажет Шолохов в 1934 году. Серафимовича в то время привело в восторг описание лошади в романе «Бруски» Панферова: «Да ведь это не забудешь никогда, и это жутко». «Жутко не это,— возразит Шолохов,— а сам образ жуток по своей надуманности, неправдоподобной и элементарной неграмотности».

ХОТИМ мы того или не хотим, но само начало «Тихого Дона» звучит столь же эпически независимо от чьего-либо вмешательства извне (в том числе и авторского), как знаменитая строчка «Задонщины»: «Кони ржуть на Москве, бубни бьють на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всеи земли Русьской...»

«Мелеховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону».

Мелеховский двор стоит не только на берегу конкретной реки, но и на берегу Истории. С этого наблюдения литературоведа А. Горелова удобнее всего прослеживается самобытность шолоховского романа.

Ради возможности довести свое детище до конца, ради спасения своего шедевра мастер и согласился выполнить заказ прокуратора—взялся за «Поднятую целину». О том, как именно заказ «вождя народов» был выполнен, хорошо рассказано Максимом Шеффером. Тут, конечно, ни о полной правде, ни даже о полуправде речь не могла идти. Хотя внимательное прочтение показывает, что под видом воспевания победы колхозного строя, писателю удалось показать бессмысленную суету местных «портфельщиков» - шариковых и до самозабвения преданных партийным директивам швондеров.

И все-таки, и все-таки «Поднятая целина» — это тоже талантливо. Это тоже Шолохов. Здесь и композиционное совершенство, и динамика, и естественность сюжетных конструкций.

По композиционному своему построению и тональности звучания «Поднятая целина»—произведение на редкость безупречное. К тому времени, когда Шолохов вошел в ритм работы над романом, он уже глубоко овладел чеховским умением видеть, как может быть жалок человек и как он потенциально велик.

Сказав это, я еще раз открываю шестой том писателя и вновь читаю:

«В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады. В полдень где-нибудь в затишке (если пригревает солнце) грустный, чуть внятный запах вишневой коры поднимается с пресной сыростью талого снега, с могучим и древним духом проглянувшей из-под снега мертвой листвы земли.

Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится до голубых потемок, до поры, пока не просунется сквозь голызины ветвей крытый прозеленью рог месяца, пока не кинут на снег жирующие зайцы опушенных крапин следов...»

Это—как музыка, как песенный запев, втекающий в жизнь и создающий у нас ту же непосредственно ощутимую иллюзию конечности и бесконечности жизни, которую мы ощущаем, читая Чехова.

Б. ВОЛКОВ.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

13 ТМО. Зак. 3793, т. 1500000

Если вы, уважаемые читатели, решили подписаться на нашу газету, вырежьте и заполните эту подписную квитанцию.
Стоимость годовой подписки — 24 рубля.
Квитанции принимаются всеми отделениями «Союзпечати».
Спешите, коллеги!

ВАШ ВЫБОР — НАША ГАЗЕТА!

154